

ЯНУШ

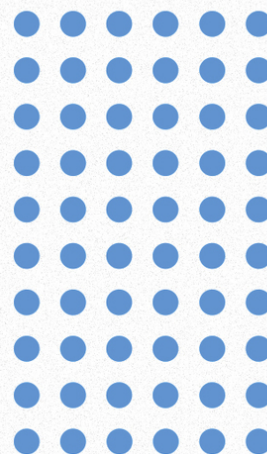
КОРЧАК

КАК ЛЮБИТЬ
РЕБЕНКА

ОСТАВЬТЕ
МЕНЯ ДЕТЯМ

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ
МОМЕНТЫ

Полный —
курс лекций

Полный курс лекций

Януш Корчак

**Как любить ребенка.
Оставьте меня детям.
Воспитательные моменты**

«Издательство АСТ»

до 1942 г.

УДК 37.01(438)
ББК 74.03

Корчак Я.

Как любить ребенка. Оставьте меня детям. Воспитательные моменты / Я. Корчак — «Издательство АСТ», до 1942 г. — (Полный курс лекций)

ISBN 978-5-17-110730-7

Януш Корчак – величайший педагог-новатор, замечательный писатель, и, что крайне важно, его книги не имеют градуса актуальности, привязанного ко времени, к конкретной эпохе. Книги Корчака будут читать учителя и родители, дети и подростки во все времена, ибо книги эти – синтетика трагедии и света, души и ума, а в совокупности – служения. Служения детям, служения детскому счастью. В текстах Я. Корчака нет готовых педагогических вердиктов, он верит, что читатель сам примет правильное и верное решение в трудном деле воспитания подрастающей личности.

УДК 37.01(438)
ББК 74.03

ISBN 978-5-17-110730-7

© Корчак Я., до 1942 г.
© Издательство АСТ, до 1942 г.

Содержание

Воспитательные моменты	6
Вступительные замечания	6
I	6
II	7
III	7
IV	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Януш Корчак
Как любить ребенка. Оставьте меня
детям. Воспитательные моменты

© Л. Стоцкая, перевод на русский яз., 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Воспитательные моменты

Воспитательные моменты

Вступительные замечания

I

Главенствующее место в медицине занимает наука о распознавании. Студент обследует множество пациентов, учится смотреть и замечать симптомы, объяснять их, связывать и на этом основании делать выводы.

Если педагогика пожелает идти путем, проторенным медициной, она должна разработать воспитательную диагностику, опирающуюся на понимание симптомов.

То, чем служат для врача лихорадка, кашель, рвота, тем улыбка, слеза, румянец должны стать для воспитателя. Не существует симптомов, которые не имеют значения. Нужно все записывать и над всем размышлять, отбрасывать случайное, увязывать родственное, искать управляющие явлениями законы. Не то, как требовать и чего требовать от ребенка, не то, как наказывать и что запрещать, но искать, чего ребенку не хватает, чего у него в избытке, чего он требует и жаждет – и что может дать.

Интернат и школа – территория исследований, воспитательная клиника.

Почему один ученик, придя в класс, обойдет все углы, с каждым поговорит, а звонок с трудом загоняет его за парту?

Почему второй немедленно занимает свое место и неохотно покидает его во время перемены? Что они за люди, что школа должна им дать и что может требовать взамен?

Почему один, вызванный к доске, идет охотно, с поднятой головой и задорной улыбкой? Энергичным движением он вытирает доску, пишет большими буквами, сильно нажимая на мел.

Почему второй нехотя и лениво поднимается, откашливается, поправляет одежду и вялым шагом, уставившись в пол, тащится к доске, по приказу учителя вытирает ее и пишет маленькими бледными буквами?

Кто первым, а кто последним выбегает на перемены? Кто часто тянет руку вверх: знает, умеет, хочет ответить? А кто – редко, кто – никогда?

Если во время урока тихо, кто первый начинает шуметь, а кто в общем шуме хранит молчание?

Кто и почему занял это или другое место на первой или последней парте, рядом с этим, а не другим приятелем? Кто возвращается домой в одиночестве, а кто – парами или стайкой?

Кто часто меняет друзей, а кто – верный друг?

Почему не слышно смеха там, где он должен быть? Почему мы слышим взрыв веселья там, где ждали умиления? Сколько раз зевал класс на первом и сколько на последнем уроке? Почему у них отсутствует интерес?

Вместо возмущения тем, что все не так, как мы имели право ожидать, является объективное, исследовательское «Почему?», без которого не наберешься опыта, не научишься творить, не шагнешь вперед, без которого нет знания.

Эта брошюра вовсе не образец того, как надо проводить подобные исследования, она – документальное свидетельство, как трудно фотографировать словами то, что у тебя перед глазами, насколько плодотворным может стать комментирование (пусть и ошибочное) того, что удалось заметить и сохранить, словно схваченное на лету: момент, индивидуальное проявление ученика или общее – коллектива.

II

Учителя, кто получше, начинают вести дневники, но быстро бросают, потому что не знают техники ведения записей, не вынесли из института привычки протоколировать свою работу. Слишком много требуя от себя, они теряют веру в свои силы; слишком много требуя от своих заметок, они теряют веру в их ценность.

Одно меня радует, другое огорчает, беспокоит, гневит, досаждает. Что записывать, как записывать? Не научили.

Человек вырос из школярского дневничка, который прячет от папы под матрас, но этот дневничок не дорос до хроник, которыми можно обмениваться с коллегой, которые можно обсудить на собраниях и съездах. Возможно, человека учили записывать чужие лекции, чужие мысли, но не собственные.

Какие встретились тебе трудности и неожиданности, какие ошибки ты совершал, как исправлял их, горечь каких поражений изведаль, какими триумфами блистал? Сознательно извлекай урок из каждой неудачи, пусть она и другим послужит в помощь.

III

Куда ты деваешь часы своей жизни, на что тратишь запас молодой энергии? Если был страстный огонь, а с годами его не стало, разве ты ничего не осветил, не выковал? Опыт? А из каких частей он состоит? Теперь уже не для науки, не для других, а для себя?

Ты не трудишься для отчизны, общества, будущего, если не трудишься для обогащения собственной души. Только умея брать, можно отдавать, только возвращая собственный дух, можно способствовать чьему-то росту. В заметках есть семена, из которых выросли леса и поля, там есть капли, сливающиеся в родник, – вот чем вскармливую, спаиваю, радую, от палящего зноя укрываю.

По этим запискам подведешь ты итог жизни. Они – доказательство, что не растратил ты жизнь попусту. Жизнь всегда только кусочек дает, только частичку разрешает достичь. Я был молод – ничего не знал; седина в волосы – знания есть, а силенок уже не хватает. Из записок возведешь оборонительный щит перед своей совестью: что не столько, не так, как надо было...

I. Городская школа – первая глава

Заметка. Я ручку забыл...

Комментарий. И что делать? Должен ли учитель держать несколько запасных ручек, которые будет одалживать?

Кто часто забывает ручки? Записывать, кто и сколько раз забыл, а не это преувеличенное «вечно ты забываешь».

Может, спрашивать утром перед первым уроком: кто что забыл?

Заметка [пятиминутное наблюдение в последние четверть часа урока (арифметика)].

Болек потирает рукой подбородок, дергает себя за ухо, кивает, смотрит в окно, подпрыгивает на скамейке, меряет тетрадкой ширину парты, потом то же самое проделывает ладонью, листает страницы тетради, повисает на краю парты, замирает, согнувшись вперед, размахивает рукой, гладит парту, трясет головой, смотрит в окно (снег идет), грызет ногти, подсовывает руки под ягодицы, потом руками поправляет башмак, обмахивается тетрадкой, сует руки в карманы, потягивается, нетерпеливо ерзает по скамейке, потирает руки...

– Проще пани, можно, я пойду к доске?

Команда:

– Пишем!

Он хватает ручку, машет ею в воздухе, дует на нее и с размаху сует в чернильницу. Снова сильно ерзает по скамье.

– Проще пани, я-а-а-а... ой-ой-ой! – хлопает себя рукой по лбу, подскакивает на месте.

Команда:

– К 332 прибавить 332.

Мгновенно прибавил, оглянулся:

– А ты сделал? – и вполголоса: – Мы все быстр-р-ро делаем, как ветер-р-р... – пришелкнул языком и вздохнул...

Комментарий. Так защищается ребенок, так рассеивает нарастающую и распирающую его энергию, которая не находит выхода, так борется с самим собой, чтобы не мешать уроку, так вымалывает действие, выражает обиду, кидается на орудие труда, так, наконец, поэтичным сравнением бессознательно выражает скрытую тоску: «Как ветер-р-р!»

Наблюдай муки подвижного, легко возбудимого существа: как разумно он распоряжается своей энергией, чтобы, не вызывая неудовольствия учителя, дать ей выход в половинчатых, осьмушечных движениях... Как же он намучается, прежде чем взорвется чем-нибудь таким, что вызовет замечание: «Сиди спокойно!» Как же «счастлив» апатичный, сонный ребенок!

Заметка. «Тихо!» – сколько раз в течение урока?

Комментарий. Может быть по-разному:

а) окрик учителя – лишнее, потому что неотвратимость наказания (читай – кулак) обеспечивает тишину;

б) можно часто, без уверенности и без результата, повторять «Тихо!»;

в) можно позволять шуметь – тогда прощай, ученье;

г) можно договориться с детьми.

Что мы имеем в итоге: полная тишина, относительная тишина.

Что прерывает тишину: вопрос, просьба, замечание, непрошенный ответ, смех, разговор с соседом – когда и в какой степени ты это позволяешь? Не в зависимости ли от настроения, и отдаешь ли ты себе в этом отчет? Если да, то ты должен облегчить понимание своим ученикам.

Заметка. Неуверенные ответы на простейшие вопросы, сдержанные и настороженные ответы.

Комментарий. Редко когда учитель не добавит чего-нибудь даже к правильному ответу ученика.

- Быстрее, медленнее, громче, еще раз, хорошо, дальше...
- И обе мальчики пошли...
- Не обе, а оба!

Не всегда ученик понимает: то ли он неправильно сосчитал, то ли неправильно выразился. Создается ощущение ошибки, ощущение неверного ответа. Насколько невыносима любая работа, а уж умственная работа и подавно невозможна, когда кто-то стоит над душой, и нудит, и мешает.

Бывает и так.

Учитель:

- Так сколько у него осталось фунтов?

Ученик:

- Пять!

Учитель:

- Развернутый ответ!

Ученик (наугад):

- Шесть!

Может быть, сначала дать закончить, а уж потом поправлять? Это важный вопрос.

Заметка.

- Колдуний не существует, – говорит учитель.

Збышек (тихий мальчик) после долгих размышлений шепотом говорит сам себе:

- А вот и нет, на свете есть колдуньи!

Комментарий. Как же часто авторитет семьи сталкивается с авторитетом школы! Иногда авторитет взрослых вынужден слегка стушеваться перед авторитетом дружка чуть постарше.

Заметка. Как нарастает шумливость на перемене после первого, второго, третьего урока: количество драк, ссор, ябедничества? Как нарастает беспокойство в классе, хотя бы по количеству замечаний, которые делаются всему классу или отдельным детям?

Комментарий. Велеть ребенку просидеть четыре часа на неудобной, не по росту скамье – такая же пытка, как приказать ходить столько же часов в неудобной тесной обуви.

Заметка.

- Подождите, не пишите!
- Быстрее, тебя одного ждем!

Комментарий. «Быстрее», «Не так быстро!» – так учитель пытается привести всех детей в класс к одному уровню. Увы! И «быстрее», и «медленнее» не дают результатов, они висят в воздухе, деморализуют детей.

Заметка.

Учитель:

– Ну, сколько?!
Ученик не знает.
Класс подсказывает:
– Сорок восемь.
Учитель:
– Так сколько же?!
Ученик молчит.

Комментарий. Прелюбопытнейшее явление. Почему учитель требует дать уже обеспеченный подсказкой ответ, почему ученик логично отказывается его давать? Какие ученики неохотно пользуются подсказками?

Заметка.
Учитель:
– Какая это книжка? (Хочет услышать прилагательные.)
Ученик:
– С картинками...
Что учитель делает в таком случае?

Заметка. Все уже рисуют, но Адашь только заканчивает приготовления к рисованию. Звонок. Все уже закончили работу, Адашь с неохотой от нее отрывается.

Заметка.
– Покажи свои рисунки.
Стеснительная улыбка – замялся, показывает с неохотой.

Комментарий. Замечал ли кто-нибудь, каким серьезным становится ребенок, когда рисует, как он увлеченно стремится к цели и как мучительно падает духом?

– А почему тут так нарисовано?
– Потому что это красиво, потому что мне так пришло в голову.

Янинка нарисовала что-то вроде раскидистого кактуса; на каждой колючке сидит птичка.
– А что это?
– А нас (в интернате) одна девочка так нарисовала.

Заметка. Тому, кто сидит возле балкона, холодно (дует).

Комментарий. Момент, рассеивающий внимание. Если в классе холодно, то легко одетые дети [ведут себя по-разному]: один замирает, костенеет в неизменной позе, а другой защищается от холода частой переменной позы (вертится).

Заметка. У него что-то во рту мешается – он часто дергает ртом, возможно, зуб качается.

Комментарий. Фактор, рассеивающий внимание.

Заметка. Сокровищница ученического кармана – пенал.

Комментарий. Учитель уже запретил приносить в школу мячики, кукол, магниты и увеличительные стекла. Но пенал-то можно приносить! Содержимое пенала тоже рассеивает внимание. Но ученик не слушает, потому что играет пеналом – или, скорее, играет пеналом, потому что не слушает?

Отдохнув в игре, насытив потребность отвлечься от урока, ученик быстрее вернется в спокойное состояние или дольше останется невнимательным? Или наоборот: возможно, лишенный пенала, он дольше пребудет в бездумной апатии?

II. Подготовительный и вступительный класс частного пансиона

Заметка. Дежурная вытирает доску. Малгося нарочно (назло) мажет доску мелом. Странно.

Комментарий. Иногда нас удивляет какой-то поступок ребенка. Если бы это сотворил А, то все понятно, но этот... И на этом основании мы начинаем сомневаться в ранее поставленном диагнозе. В нотации ребенку непременно будет: «Ну-ну... вот ты какой, значит? А я-то думал... Ошибся я в тебе... теперь-то...» – и так далее. Нас обижает и оскорбляет, что нас провели и разочаровали.

А иногда бывает, что в данном исключительном случае «Б» кому-то подражает: он один раз сказал или сделал то, что делают «другие». Малгося видела, как вчера или неделю назад кто-то другой дразнил дежурную, кто-то, кто ей импонирует, на кого она хотела бы быть похожа.

Заметка. «Девочки, прекратите болтать». Почему в школе такие замечания действуют на «хорошо воспитанных»? Наказание в виде доброжелательного замечания, нетерпеливого жеста, удивленного взгляда, наказание пожатием плеч... Наказание – ироническое замечание вместо розги, которая хлещет по ягодицам... слова, которые бичуют самолюбие. «Фу, как некрасиво... так не поступают»... Резкое замечание. «Резкое» – значит режет, ранит. Может быть, я случайно добрался до истоков важной проблемы.

Откуда растет эта кошмарная зависимость человека от мнения, оцепенение под угрозой оказаться в неловкой ситуации – вплоть до собачьего чутья к тому, что о нас подумает официант или гостиничный швейцар?

Заметка. Не знает урока – спрашивать ли?

Комментарий. Ребенок не выучил урок – немецкие слова. Вот бы сфотографировать его поведение! Взгляд тупой, покорная поза, тень улыбки, или гнев, бунт в нахмуренных бровях, или лживые покашливания, беззвучные движения губ (он знает, но забыл, знает, вот сейчас скажет, он знает, знает – почему же сразу «Не выучил!»). А учительница все задает вопросы. Это напоминает пытку, производит неприятное впечатление.

Заметка. Наряду с детьми, которые опаздывают, надо бы обсуждать и других, столь же неудобных для школы: которые приходят слишком рано.

Заметка. Кто любит сидеть за первой [партой], а кто – за последней?

Заметка.

– Олек, отдай ластик.

Олек ластик отдает, но кладет его не на парту, а соседу на голову. Это же скучно – положить ластик на стол.

Заметка.

– Опять не знаешь? А я столько раз повторяла. Тебе должно быть стыдно...

Комментарий. Ну что тут поделать – опять не знает. Вместо выговора – вопрос: почему?

Вот если бы врач говорил пациенту: «Тебе должно быть стыдно, выпил целый флакон лекарства, а до сих пор кашляешь (пульс плохой, стула нет)».

Заметка. В класс входит Владзя – кладет книжки на парту, и началось блуждание: к доске, к картинкам на стене, к учительскому столу, снова к доске, к своей парте, на последнюю парту, подтягивается на руках в проходе между партами, садится, энергично болтает ногами.

Входит Янка – подошла к окну, неподвижно застыла, смотрит в окно. Суматоха – двигают парты, она оборачивается, гнев на челе, никакого участия в общей кутерьме; потом резким движением – на свою парту.

(*N.B.* Некоторые ученики так привязаны к своему месту, словно узник к камере.)

Заметка. Стася – наблюдение в течение восьми минут.

1. Подбегает к другой парте.
2. Встает на колени на свою скамейку.
3. Снова к другой (разговор шепотом).
4. К своей парте.
5. Разговаривает с соседкой, та выходит из-за парты, Стася – на ее место.
6. К учительскому столу.
7. Возвращается, в проходе подтягивается на руках, сильно наклоняется вперед.
8. Опираясь на скамью, разговаривает с двумя другими девочками, вполголоса, тихо.
9. Смех – разговор с группкой из пяти девочек.
10. Быстро бежит к четвертой парте с новостями.
11. Возвращается на место.
12. Возвращается – заглядывает в книжку соседки.

Заметка. «Не хотите думать – вот и не слушаете» (тон бессильного, безнадёжного отчаяния).

Комментарий. В этой клетке вместе с учениками заперта и учительница, она не только принуждает, но и сама жертва принуждения, терзая, она и сама терзается. Может быть, когда-то она что-то пробовала, искала подходы. Если нет – сама не знала, не умела, так обстоятельства сложились. Могла ошибиться в выборе профессии. Кто виноват?

Заметка. Владзя тянет руку (мелькает мысль: не буду записывать, это портит мои готовые выводы).

Комментарий. С неохотой записываю, что Владзя – легкомысленная, вертихвостка – хочет отвечать. Почему?

Вот именно потому, что это противоречит моему отрицательному мнению о ней как об ученице, я должен был бы этот факт приветствовать и скрупулезно записать.

Владзя – такая, какой я хочу ее видеть, – не должна тянуть руку, она должна быть счастлива, что ее оставили в покое и не вынуждают отвечать. Вот именно, преступление мое в том, что я хочу, чтобы она была такой, какой я ее представил. Я же должен исследовать ее такую, какая она есть, я должен увидеть и заметить как можно больше, со всех сторон. Но я ленив, я хочу, чтобы Владзю было легко раскусить: прилепил ярлык – и готово. Вытянутая рука – это новое явление, оно требует пересмотра, нового усилия мысли, чтобы углубить свою оценку. Но у меня не хватает терпения – я спешу. Мгновенно ее «раскусив», уже бегу к другим, потруднее. Быстро отделяюсь от пациента на бегу брошенным диагнозом, потому что меня ждет вереница других. Я самолюбив – боюсь своих ярлыков, может быть, именно потому, что они халатно обоснованы: склепанная наспех дешёвка. Я не уверен, и потому боюсь, что вот это новое явление надорвет мимоходом прилепленный мной грошовый ярлык. Мне неприятно

признавать, что я еле-еле читаю по складам, что мне приходится долго и внимательно всматриваться в буквы явлений, чтобы прояснить нечто осмысленное. Во мне сидит надутый авторитет, который «этого сопляка» на лету раскусит, видит на три аршина вниз и даже глубже. Живет во мне развращенный бракодел, которого школа дрессировала, как увернуться от долга истинного познания человека.

Эта тянущаяся вверх ручка маленькой Владзи – протест живого существа, которое не позволяет так легко от него отделаться, не соглашается на ярлык и говорит: «Ты меня не знаешь!» А что я знаю про Владзю? Что она вертится? Учительница мимоходом бросила: «Лентяйка!» Мне это пришлось по вкусу, я и согласился. Но может, Владзя не лентяйка. Может, стоит отказаться от небрежного диагноза, признаться в ошибке – и в награду получить пару самокритичных замечаний. Легко возбудимая Владзя, возможно, способна живо заинтересоваться; может быть, она борется с предубеждением учительницы. Эта тянущаяся вверх рука может означать: а) «вот именно, что я знаю, я как раз не такая, за какую вы меня принимаете», или б) «если что-то меня всерьез заинтересует, тогда я знаю урок и хочу отвечать».

Может, на самом деле «лентяйка» сегодня утром решила исправиться и начать новую жизнь? После беседы с матерью, с подружкой? Помочь ли Владзе в ее усилиях или, запомнив это событие, только ждать, что будет дальше: завтра, через неделю?

Да, тут не замурзанная лапка пригостишки, а вопросы, на которые я не могу найти ответа.

Заметка. Беседа – мышь и т. д. (сразу – крыса, пчела и т. д.)

Комментарий. Нет книги, где обсуждалась бы техника ведения беседы с детьми (не наставления!). Может быть, мы потому не умеем с ними разговаривать, что нам это кажется легким. В моей памяти живы чудесные беседы в летнем лагере, вечерние – в интернате... кто их не знает, кто из воспитанников не помнит? Можно ли перенести их в школу?

Мышь – одолжили кота, чтобы мышей ловил; рассказ о драке кота с собакой; глядим, а у тети на подушке крыса; один раз в рыбе оказалась мышь; крысы плавают; а в купальне были рыбки; а еще есть золотые рыбки; когда на корабле плывешь, то в воде рыбок видно; а есть ядовитые цветы; папу один раз пчела укусила; а у бабушки есть ульи.

Задаю тему – сразу несколько человек хотят рассказать, одновременно. Один рассказывает мне, другой начинает рассказывать соседу – образуются группы. Кто-то начинает шуметь – сигнал расслабиться, все пропало. А до звонка осталось 10 минут – что делать? Если установить очередь (пусть записываются, чтобы взять слово) – стесняются, не привыкли к такому, и им почти нечего сказать.

Как уберечь от уничтожения такой любопытный и совершенно неисследованный язык ребячьего рассказа?

Пример – не из школы – из садика, рассказ пятилетнего Виктора.

– Где ты видел яблоки?

– Яблоки – я видел яблоки – такие маленькие – деревья большие такие – можно лежать и качаться – такой был пес – а тут одно яблоко упало – и он лежит и спит – мама идет – я хочу один пойти – а там стул – там пес – песик какой-то – укусил так – у него зубы ос-с-стрые – вот он спал, и пес его укусил – надо пёса побить, за то, что кусается – а там еще одна пани – у нее такие зубы – я забыл, как ее зовут, – а его Фокс зовут – он укусил и кр-р-ровь – он кость ел – Фокс, пошел, пошел вон! – а он так глаза вытаращил и укусил – кость бросил и укусил – я тому пёсу яблоко бросил – как с дерева яблоко сорвал и бросил далеко-далеко – такое твердое яблоко – сладкое, как не знаю что, – а он только понюхал – а потом пришел солдат – шлёп пёса – шлёп – такой хороший – хороший – хороший...

Я записал, сколько мог, без стенографии.

Сравните: «ос-с-стрые, кр-р-ровь» Виктора и «ветер-р-р» Болека.

III. Хелечка

Территория наблюдений – детский садик. Просторная комната, в углу пианино. Вдоль стен тростниковые плетеные креслица и столики на одного. В центре комнаты шесть столиков, у каждого – по четыре креслица. У дверей шкаф с игрушками и учебными пособиями Монтессори.

Герои наблюдений: Хелечка – три с половиной года, Юрек и Крыся – тоже трехлетки, Ханечка – пять лет, Нини – шесть лет.

Время наблюдения: по два-три часа в течение двух школьных дней.

Хелечка – самолюбивая, привыкла к восхищению, кокетничает, включая ум и обаяние; вместе со старшим братом это пара здоровых, живых детей, приковывающих взор и сердце.

Юрека я знаю по его семейным отношениям; если он и не законченный тиран, я все равно смотрю на него сквозь призму «предвзятых ярлыков»; у него «испорченная репутация»: он замахивался на мать кнутом, устроил скандал – петух.

Крыся – тут медицина «мутит воду». Не люблю, когда дети ее типа болеют корью и коклюшем. Хрупкие, серьезные, сосредоточенные – филигранные, в них есть что-то от мечты, задумчивости, печальных предчувствий, они пробуждают нежный страх и почтение. Я охотно прописываю им рыбий жир и целую ручки.

Ханечка – как ее описать? «У нее-то есть голова на плечах», «тертый калач», «ее на мякине не проведешь», «в бараний рог не свернешь» и «вокруг пальца не обведешь», «штучка», «тот еще жук» – она знает, что и в каких пределах разрешено. Хочется сказать, что в ней нет обаяния, но как-то язык не поворачивается, – можно предсказать, что она станет сильным и мужественным человеком.

Нини невозможно охарактеризовать. Я заметил в ней ту детскую скрытность, которая рождает недоверие. Она охотнее всего держится со своим братом-одногодком и детьми помладше.

Наблюдение я начал без программы, без плана, импульсивно – вот просто: «А что там малыши подделывают?»

Моя первая заметка – карандашом.

Хелечка (картинки)

– У него язык красный (про собаку). Почему?

Нини:

– Потому что это собачка.

– А у собачек красные языки? Иногда?

(Хелечка рассказывает про песика, который лаял, «хотя мы ему ничего не сделали».)

Крыся играет мячиком.

Нини:

– О, Крыся тоже играет (одной рукой).

То, что ребенок, разглядывая картинку, отдельно оценивает хвост, уши, язык и зубы – детали, которые не замечают взрослые, – мне было понятно. Мы не обращаем на детали внимания, потому что это картинки для детей, но в картинной галерее мы ведем себя точно так же. Если нас изумляет наблюдательность детей, то нас изумляет и то, что дети – люди, а не куклы.

Вопрос Хелечки, почему у собачек красные языки, себе я объясняю как желание поболтать все равно о чем с Нини, особой, которая стоит выше нее в общественной иерархии (Хелечка болтает запанибрата с шестилетней!), а убедило меня в этом ни к селу, ни к городу сказанное Хелечкой «иногда?» Так невежда при встрече с интеллигентом, парвеню – с аристократом вставляют в речь не к месту и некстати какое-нибудь изысканное выражение, только чтобы показать: он тоже знает и может что-нибудь этакое.

Нини замечает, что Крыся «тоже» играет – словно она впервые видит, что Крыся играет.

Нини и мяч

– А я одной рукой – ты так умеешь?

Хелечка (быстро):

– Нет.

– Я даже вверх могу.

Крыся обменяла хороший мячик на плохой.

Нини:

– Хе-е-е, давай больше не будем меняться, ладно?

Крыся тискает плохой мячик, из которого вышел воздух...

Тут я зафиксировал два момента. Благородную правдивость Хелечки я отмечал уже неоднократно. Если ей случается солгать, то только из самолюбия – она может солгать, защищая свое достоинство. Ей неприятно признавать, что она чего-то не умеет, поэтому она быстро говорит, что одной рукой ловить мячик не умеет, но явно хочет сменить тему разговора.

Второй момент касается Нини. Крыся сменяла хороший мячик на плохой. Нини поскорее хватает мячик и смеется – у нее готово слететь с языка: «Глупая ты, из этого мячика выходит воздух, он испорченный, не прыгает!» И тут она соображает: лучше скрыть, какую выгодную сделку она провернула. Отсюда быстрое: «Давай больше не будем меняться!» Но это лишняя осторожность: Крыся очень довольна обменом: она экспериментирует дырявым мячиком, ей уже не хочется играть. Как Хелечка не соврала, тихо и быстро ответив, что не умеет ловить мячик одной рукой, так и Нини, собственно говоря, не обманула Крысю. Так стираются границы многих человеческих недостатков, достоинств, поступков и проступков.

На полу кубики

Нини:

– Я вам кораблик построю – о, печка, печка на корабле.

Хелечка:

– А ты умеешь такие кораблики строить?

Нини (не оборачиваясь):

– Умею.

(Крыся – Хелечка – поезд.)

Шестилетняя Нини, играя с малышами, обходится с ними свысока. Не себе, а им она строит. С этим Хелечка не хочет согласиться, не хочет признать авторитет Нини – задает бестактный вопрос и получает пренебрежительный ответ. Умеет ли Нини строить то, что умеет Хелечка? Нини даже не обернулась: ясное дело, умеет!

Нини рассказывает сказку о гадюках...

– Ну что, смешной конец?

Хелечка:

– Нет.

Дополню по памяти. Нини борется за свой авторитет: рассказывает сказку. О гадюках. Хелечка не знает, что такое гадюки, сказка ее не интересует. Нини предчувствует свое поражение, задает неосторожный вопрос, получает неприятный ответ. Тут я (правда, напрасно) задаю Нини пару вопросов о гадюках. «Гадюка – она такая, как нитка, и может съесть двести человек!» Хелечка хмуро глядит на Нини, отношения напряженные, атмосфера сгущается. Случайно встретились разные люди; после неискреннего разговора, вынужденного столкновения они разойдутся, чувствуя взаимную обиду.

Кубики – долго – замок

Хелечка:

– Вы умеете так строить? Так красиво?

[...]

Возвращаются к строительству. За короткое время Нини говорит 22 фразы, Хелечка – 14, Крыся – ни словечка.

Тут я вставил замечание, что в течение четверти часа непринужденной игры участвовали:

1. Картинки.
2. Мячик.
3. Кубики.
4. Сказка.
5. Кубики.

Ревность

Хелечка, все настойчивее:

– Красиво, а ты так умеешь?

Разрушает домик Нини.

– Я сама буду строить.

Нини:

– Я для Крыси буду строить.

(Шепчет Крысе на ухо.)

Крыся оборачивается, разрушает домик Хелечки.

(Пропуск.)

Я забыл упомянуть, что они строят, сидя на полу.

Борьба за Крысю, за эту маленькую, но спокойную, молчаливую, серьезную особу, которая вызывает удивление, когда берет [негодный] мячик. Я слежу за ходом драмы, затаив дыхание. Хелечка страдает, ее терзает обида, ее сердит Нини, она борется за Крысю, но предчувствует, что это напрасно – Крыся смотрит на то, что строит Нини. Месть: Хелечка разрушает домик Нини.

Нини и к этому пренебрежительно отнеслась: не годится ей развязывать войну со слабым противником; она только подчеркивает, что Крыся принадлежит ей.

Сколько же здесь осталось незаписанным! Дополню по памяти: после безобразного поступка Хелечки Крыся слегка придвигается к Нини, спокойным взглядом встречает полный бунта взгляд Хелечки и поворачивается к Нини. Это длилось десятую, сотую долю секунды: Нини дает команду, Крыся быстро рукой сметает постройку Хелечки. Хелечка молчит: она чувствует себя виноватой, беззащитной перед Крысей.

Пропуск в моих заметках – это доказательство волнения, вихря чувств, которые эта сцена во мне вызвала. Потому что тут все от человека! Я не помню столь же сильных впечатлений со времен своих исследований младенцев.

Хелечка наладила отношения с Нини (как?)

Не знаю. Не помню. Я потерял ряд интересных моментов, и я бы сильно не доверял заметкам, в которых не было бы «пустых мест» и искренних признаний, что наблюдатель не помнит, не заметил, забыл.

Приходит Ханечка – к Нини, Юрек садится на стульчик Хелечки. Хелечка долго на него смотрит (я жду) – ничего!

Ханечка берет кубик из домика Хелечки – Хелечка долго смотрит.

– Ханечка, я тебя прошу, не бери у меня кубики.

Ханечка забирает кубики. Хелечка бьет ее кубиком по голове.

Хелечка последний кубик судорожно впихивает Юреку:

– На! На! На!

Юрек (мне):

– Этой девочке нечего строить – ей нечем строить.

Я (низким резким голосом):

– Что?

– Она у нее все забрала.

Хелечка смотрит на Юрека (Юрек – на Хелечку).

– Она, эта девочка, хорошая.

Ханечка выделяет восемь кубиков, Юрек добавляет свой девятый, Ханечка в азарте добавляет еще.

– Юрек, я ей все отдала, я уже все ей отдала.

(У меня на глазах слезы.)

Я начну с моего «Что?» – этого единственного слова, которое я сказал, – резкого, чужого и по духу, и по звучанию тому, что здесь происходило. Дети понимали друг друга, а я притворялся, что не понимаю; клетки моего мозга, голосовые связки, весь я со своим прошлым, где столько всего было, – все это было воплощением грязи и фальши по сравнению с чудесной мистерией звуков, неуловимых, серебряных тонов. Здесь нет места ученым рассуждениям, есть настроение, святая беседа чувств, которых наука не имеет права касаться. Рассуждать я буду, но тем самым самого себя же и ущемляю...

Юрек присел на стульчик у столика Хелечки. Хелечка смотрит на Юрека. Невозможно представить, что она мыслит, – она только чувствует. Ей жаль тех долгих минут, когда сидела за этим столиком, вдали от детей, глядя на них со стороны. Но это уже прошло и не вернется. Она покинула свое тихое гнездышко – сколько же она претерпела, – но уже не вернется. Теперь там уселся Юрек, тот самый Юрек, который ее толкнул пару дней тому назад. Хелечка его прощает, отдает ему свою тихую гавань, уютный домик. В ней есть печаль о том, что не вернется. У нее воруют кубики: она покорно просит, потому что знает, что жизнь обижает, что защититься она не сможет, а убежать – не хочет. Здесь суть не в словах, а в тихом и печальном голоске, выражении лица, позе. Ни одна актриса не сумеет так умолять о спасении, о снисхождении, о жалости. Насколько же гениальна природа, позволяющая трехлетнему ребенку быть таким воплощением мольбы. А слова? Такие простые: «Ханечка, я тебя прошу, не бери у меня кубики».

Ханечка-жизнь жалости не знает: грабит. Хелечка бьет ее по голове последним оставшимся у нее кубиком; она боится мести – в ее троекратном «На!», когда она впихивала Юреку в руки последний кубик, было столько драматической силы! Так, погибая в бою, солдат отдает свое знамя кому угодно, лишь бы не врагу. Юрек, пассивный свидетель этой сцены, взволнованным голосом обращается ко мне. Он просит помощи для девочки, у которой отобрали «все», которую обидели, а он, держа в руках ее последний кубик, не знает, что предпринять. Обращаясь ко мне, он дает знать Хелечке, что ей он сочувствует, а Ханечку осуждает. Ханечка поняла. Получив кубиком по голове, она только слегка потеряла место, где стало больно: она и не думала дать сдачи. Она провинилась – отдает кубики, отдает даже больше, чем взяла, и просит у Юрека прощения.

В записях я предпочел пропустить движения, жесты (ба, рискни-ка их описать), но я записывал слова, потому что они были чудесны своей простотой и сильны повторением. Здесь Хелечка трижды сказала «На!», отдавая Юреку кубик, два раза повторил Юрек, что Хелечка теперь не может строить, два раза Ханечка говорит, что отдала кубики. Мне представляется, что в драматических моментах и автор, и талантливый актер вызовут куда более сильный эффект повторением одного возгласа, чем длиннющей тирадой. «Мама! Мама!» – «Нет у меня дочери, больше нет дочери!» – «Я невиновна, я невиновна!» – это может подействовать очень сильно. Нужно обратить особое внимание на повторы у детей. Наверняка это очень частое явление!

Эта сцена пробудила во мне различные мысли:

1. В области чувств дети намного богаче нас, они чувствами мыслят.
2. Если я насилую себя, описывая эту сцену, то чем бы стало мое вмешательство в происходящее? «Ханечка, отбирать нехорошо, отдай. Хелечка, драться нехорошо, извинись».
3. Какая огромная школа жизни для детей – садик!

Хелечка:

– А ты умеешь так строить?

Нини:

– Мы с тобой не водимся.

Юрек хочет взять кубик, Хелечка его отталкивает, Юрек не протестует.

Хелечка:

– Я вам дам (кубики).

Нини:

– Не надо, не надо.

Ханечка:

– А я красивый замок построила.

Хелечка:

– Противный, противный.

(Пропуск).

Хелечка:

– А ты умеешь так строить?

Нет ответа.

(?) ты не нужна.

Хелечка (мне):

– Красиво я построила?

Я:

– Красиво.

Хелечка:

– А вы умеете?

Я:

– Умею.

Только сейчас, отверженная, обиженная, она заметила меня, обращается ко мне. Бедняга! Болтливость Нини Ханечке импонирует, но слегка раздражает.

Хелечка поправляет негодный мяч.

– Видите, как надо сделать.

Хелечка (Юреку):

– Дай мне коробку.

Юрек – защитный жест¹.

Я глажу его по лицу. Он не дается – отошел. Хелечка грабительским жестом забирает коробку, удирает, садится около меня.

(Пропуск).

Хелечка:

– Ты умеешь так строить?

Юрек:

– Нет – бз-з – вз-з-з – вз-з-з – вз-з-зы – биз-з-з.

Ну наконец-то – но в какой карикатурной форме – я не удивился бы, если бы она вздохнула.

Это заметки усталости. Я не прекращаю записывать, потому что это ценный материал, но я устал, до предела устал – вот и халтуру. В последний момент я вношу комментарий, потому что уже не доверяю памяти. Хелечка, которая так мечтала услышать, что они не умеют делать то, что умеет она, наконец достигла своей цели. Юрек не умеет! Юреку неприятно признаваться, что он не умеет, отсюда и это «бз-з-з – вз-з-з – вз-з-з» – это пренебрежение к проблеме, смена темы разговора. То же самое недавно сделала Хелечка.

Воспитательница:

– *À sa place!*²

Хелечка (Нини):

– А что такое *place*?

Хелечка обращается к Нини, не ко мне.

Молитва. Ханечка, Крыся тоже принимают участие. Хелечка подавлена, после молитвы она решительно говорит Юреку:

– Это мое место, это мое.

Юрек встает и пересаживается на свое место.

После маршировки Ханечка выживает Юрека из креслица, он снова покорно пересаживается на другое место.

Хелечка за столиком – стучит ногами по столику, стучит столиком об пол, бьет рукой по столику.

(Пропуск).

¹ Защитным жестом я называю такое движение, когда ребенок, не желая что-либо отдавать, поднимает руку с этим предметом вверх, прячет предмет за голову, наклоняя ее в сторону вытянутой руки.

² По местам! (*фр.*)

У Хелечки кубики – она вынимает один, слегка постукивает им по столу, движения сонные, голова лежит на руке. Она начинает строить ворота к замку Ханечки – у нее не получается, треугольный кубик падает с основания три, четыре раза. Хелечка убирает кубики в коробку.

Пропуски – это мое поражение. Я отвлекаюсь только на минутку, оставляю Хелечку возбужденной, одинокой. Нахожу – угнетенной и несчастной, но на столике лежит коробка с кубиками: когда она вынула ее из шкафа, как? Я ничего не знаю. Устав, я пропустил это.

Перечитал написанное. Плохо. Я все понимаю, но читатель поймет только после того, как пару раз внимательно перечитает текст. Таких читателей будет мало. Надо писать легче, доступнее.

Для наблюдения во второй день выбираю другой, новый метод. Сначала все записи вместе, потом последовательность событий, образующая рассказ, наконец – комментарий.

Для студента педагогической семинарии такой план:

1. Характеристика наблюдаемого ребенка.
2. Об условиях наблюдения:
 - а) план территории, на которой ведется наблюдение;
 - б) личные сведения: что это за работа, откуда студент знает ребенка, что он о ребенке знает, слышал, заметил, запомнил, прежде чем стал наблюдать;
 - с) психологическое состояние: студент занялся наблюдением охотно или случайно, здоров ли он, какое у него сейчас настроение и т. д.
3. Записи *in crudo*³ – с дополнением «Пропуск» (пробел в наблюдениях). Вопросительный знак в скобках в том месте, где автор не смог расшифровать собственные записи. Важно: сохранять сокращения.
4. Краткий рассказ о ходе событий.
5. Комментарий к запискам.
6. Личное – собственные переживания и размышления.

Мне кажется, что подсознательно именно этот план был у меня в основе замысла. Что-то вроде театральной критики, что-то от сочинения об известной пьесе. Неясности моей работы вытекают из того, что, читая сочинение о драме Шекспира или Софокла, я знаю Гамлета, Антигону, – а тут читатель не знает ни героиню – Хелечку, ни саму пьесу. Если я и оставляю в этой форме первый день наблюдений, то исключительно с целью дать пример бракованной работы, какой она не должна быть. Я не уверен, что второй день будет лучше.

(N.B. Мешает мне и то, что я пишу не в день наблюдения, а через четыре дня; вторичные наблюдения я комментирую в субботу.)

2-й день наблюдений

Записи.

Хелечка даже не посмотрела на свой столик.

Крыся играет с Маней.

Хелечка что-то сказала Стасе – та в ответ молчит.

...Янка – прошло много времени.

...зевает.

...с Виком:

³ Необработанные (лат.).

– А мне восемь лет.

– А Владеку тоже восемь лет.

Вик идет проверить, Хелечка не уверена.

Хелечка:

– Владек, а тебе сколько лет?

Владек:

– Семь с половиной.

Крыся у столика старших детей. Хелечка к ней присматривается.

Молитва – маршировка.

Хелечка громко, провокационно:

– Ой, фартук – мамуся велела фартук.

Бежит. Переворачивает скамейку.

Громко – воспитательнице:

– Перевернулась...

Мне:

– Лямочки перевернулись.

Сейчас она некрасива.

Еще минута – она прекрасна, забыла о себе, долго трудится, чтобы застегнуть сзади пуговку на фартуке.

– Проше пани, помогите...

Когда хочет:

– Я сама, сама...

Перевернула фартук вперед, пальцем расширяет петельку.

– Застегните, пожалуйста.

Я протягиваю руку – она отступает, снова попытки. (Последнее усилие – совсем как у взрослых: а вдруг в последний момент получится? Последняя надежда.)

(Пропуск).

Я застегиваю: попробуй расстегнуть, это легче, – не хочу, – и к столику с буквами, к Крысе. Она учится уважать существенные заслуги.

Хелечка и буквы – мечты о могуществе, я у столика, она обращается к пани Н.

Копаются в буквах:

– Хорошо получилось?

– Нет!

(Восторги взрослых развращают детей до мозга костей!)

Мне:

– Правда же, я слово сложила?

– Нет.

– Ну, посмотрите же.

– Нет.

Перекладывает одну букву.

– Ну, посмотрите, посмотрите.

– Плохо.

Показать ей, как надо, она не позволяет.

Бросаю ей обидные слова:

– Ты слишком маленькая! (Потому что она меня сердит.)

Она уходит – показывает пани Н., что столик сломан, показывает куклу:

– Она некрасиво одета?

Перечисляет, во что одета кукла.

- А что у меня в кармане есть... А что у меня есть?
- Не знаю, откуда же мне знать... А ты знаешь, что у меня в кармане?
- А вот и знаю. (Заглядывает.)

К буквам:

- Ну, посмотрите же (к пани Н.), хорошо получилось?
- Нет.

(Это работа – она не хочет смириться.)

Пани Н. показывает, как складывать буквы, – не смотрит: она хочет волшебства, хочет царить, а не работать.

Спрашивает меня:

- А сейчас?
- Нет!

Снова идет к сломанному столику, показывает Янеку. С пани Н. – разговор.

Книжка с картинками – рассматривая ее, Хелечка мурлычет одну из песенок, которую разучивали в садике – «Полишинель».

- А вы можете кота нарисовать? А я могу.
- (Дома она может то, чего не могут взрослые.)

Она разговаривает с Тадеком, что-то ему не разрешает.

Ей скучно.

- Возьми кубики, строй домики, как Ханечка.
- Как Кры-ы-ыся?
- Нет, как Ханечка.
- Не хочу. Это легко. А вы можете сшить фартук?
- Нет.
- А я могу.
- Ты его даже застегнуть не можешь.
- Могу.
- Нет.
- Могу! (Раздражение.)
- А вы можете машинку нарисовать?
- Нет.
- А я могу. А кота?
- Могу.

Я даю ей карандаш и бумагу: рисуй.

- А я могу карандаш нарисовать.

Она рисует утку (на уровне своих трех лет). Я холодно, без энтузиазма признаю, что получилось хорошо.

- А вы умеете?
- Да.

Она удивленно смотрит, рисует.

- Ну и что это?
- Не знаю.
- Ну что это, у чего бывает столько ног?

Я рисую утку.

- А дайте мне бумагу, я мисочку нарисую.
- Рисуй на этом же листочке.
- У-у-у... – но рисует.

Вместо мисочки – девочка с корзинкой.

– Ты же должна была нарисовать мисочку.
– А красивая мисочка получилась?
– Спроси Крысю.
Разговор Крыси с Хелечкой короткий.
– И что Крыся сказала?
– А это красивая корзиночка?
– Некрасивая.
Я рисую: твоя корзиночка лучше или моя?
Пальцем показывает: эта (показывает на мою).

Мне ее жаль:

1. Восхищение.
2. Неприязнь – гнев.
3. Сочувствие.

Я объединяюсь с Хелечкой против Крыси. Хелечкой восхищаются, Крысю – обожают. Крыся старается быть первой в маршировке. Хелечка хочет взять нахрапом, Крыся ждет, пока у нее само получится.

Такие Крыси:

1. Неактивные, они не расходуют энергию.
2. Тихие – они везде прокрадутся, высмотрят, кто что делает лучше остальных, только долго смотрят.
3. Побеждают без борьбы – внезапным взрывом, одной атакой.

Хочу помочь Хелечке: научу ее.

– Дай мне мелок.

Она не знает, где мелок. Крыся знает и приносит. Я рисую на доске домик. Она тоже пробует – получается плохо. Рисует окошки в моем домике. Мимо проходит Ляля.

Хелечка:

– О, посмотри, красиво?

Ляля:

– Ты красиво рисуешь.

Хелечка:

– О, окошки, смотри.

Хелечка понимает, что произошло недоразумение, ей стыдно.

Она рисует деревья. Хочет вытереть доску не тряпкой, а кусочком бумаги. Стирает рукой и смотрит на меня с вызывающей улыбкой.

Хелечка:

– Нарисуйте что-нибудь.

Я рисую человечка – она пририсовывает ему пальцы, поправляет свой рисунок.

Требуется нарисовать еще. Я рисую птицу.

Хелечка:

– Это птица или жаворонок. (Ждет восхищения тем, что она знает новое слово.)

Я на минутку подхожу к Крысе, которая клеит поделку. Тут же подходит Хелечка – тянет меня прочь (ревность).

Теряет мелок, долго ищет – находит. Мелок упал – сломался. Она удивленно смотрит, пишет кусочком мела на доске, потом нарочно швыряет мелок и смотрит (эксперимент).

Требуется новый рисунок. Я рисую цветок. Она его дополняет, «улучшает».

– А это что?

– Очки.

– Зачем?

– Чтобы лучше видеть.

– А это зачем?

– Это нужно, чтобы очки держались.

– Так можно гвоздиками.

– Гвоздиками будет больно.

Я снимаю очки и показываю ей. Она мажет меня мелом.

– Ты меня испачкаешь, Хелечка.

– А это новая одежда?

– Нет, старая.

– А у меня новая есть. Зося сшила.

– А кто это – Зося?

– Человек. С головой, с руками, с лицом...

– А почему на лице усы? Папа бреется.

[...]Я не могу, мне купить не на что.

Она советует сделать [деньги] из золота или из бумаги. По ее указке вырезаю из бумаги. Остается лист бумаги с двумя отверстиями. Она прижимает бумагу к лицу, пугает меня. (Ждет, чтобы я сказал: ой, я боюсь, ой, спрячусь.) А я молчу.

– Страшно?

– Нет.

Даю ей зеркальце, чтобы она сама посмотрела, страшно ли. Спрашиваю Крысю, страшно ли ей.

– Нет.

Хелечка что-то рисует на маске, чтобы было страшно.

– А сейчас страшно?

– Нет.

Она кривит личико, строит гримасы.

– А сейчас?

– Нет.

Я:

– А кто-нибудь этого испугался?

Молчит, не отвечает. Примеряет маску на меня, пробует на Крысю.

Завтрак.

Хелечка, громко:

– А я знаю, где моя бутылка (с молоком).

(NB. Крыся вместо «к» выговаривает «т» – этот дефект речи может в будущем сделать ее неразговорчивой, необщительной; гигиена воспитания должна об этом помнить, предотвращать подобное.)

(Не Хелечку я два дня наблюдал, а законы природы, человека.)

В садике только две малышки: Хелечка и Крыся. По нашему рецепту «Играйте вместе!», под принуждением, они бы так и играли, но, если их не трогать, они льнут скорее к детям постарше: это обещает им нечто большее, чем игру. Маня охотнее разговаривает, опекает малышей, и Маню притянула неразговорчивая, спокойная и серьезная Крыся. Хелечка пока

только ищет. Подходит к Стасе – плохой выбор, к Янеку – этот хороший: он всего неделя, как ходит в садик, еще «не раскрутился», стесняется, он мало кого знает, это выравнивает разницу в возрасте, и дети разговаривают. Но Хелечке не хватает терпения. Она заговаривает с Виком – неловко: сообщает ему возраст своего брата, но не уверена, правильно ли она сказала (8 лет), смутилась. Всю непосредственность чувств Хелечки, каждое ее действие сковывает и тормозит страх показаться смешной. Поэтому она не принимает участия в молитве, в маршировке, в гимнастике. Она страдает, но боится – что не умеет. Когда дети маршируют в такт музыке, она, желая обратить на себя внимание, неумеренно громко говорит о фартучке и... опрокидывает скамейку: конфуз. Она удивленно говорит об этом с вымученным смешком и быстро меняет тему разговора: заявляет мне, что перевернулись лямки фартучка (наизнанку). Она приводит рукава в порядок, надевает фартук; не может застегнуть. Я хочу ей помочь – она отказывается. Ей кажется, что мешает слишком узкая петелька (фартучек застегивается сзади). Она сама обращается с просьбой о помощи, но в последний момент вдруг отступает назад и снова пытается застегнуть фартук. Обращаясь за помощью второй раз, она не выпускает из рук пуговицы, пробует еще раз. Это невероятно частое явление не только у малышей, но и у детей постарше, и у взрослых. Когда студентом я работал в больнице, я был свидетелем такой сцены: коллега Х. хочет вырвать пациенту зуб, но не может. Он обращается к врачу, тот подходит. Студент не отдает щипцы – еще одна попытка, и зуб ломается.

Буквы наборного алфавита лежат в ячейках коробки, как литеры в кассе типографского наборщика. Утром они лежат разбросанные, их складывают дети, которые букв еще не знают: одинаковые к одинаковым. Крыся это умеет, Хелечка хочет работу заменить надувательством. Я догадываюсь: дома она что-нибудь накалякает на бумаге и говорит, что написала; поскольку взрослые поддакивают, что она пишет, Хелечка им верит. Что же странного в том, что если трехлетке кажется, что так легко уметь читать (бормотать что-то под нос), рисовать, писать, то шестилетка неприязненно воспринимает необходимость усилия и труда. Хелечка назойливо, гневно требует признать, что она правильно сложила буквы; она не хочет, чтобы ей показали, объяснили, научили, помогли. Она хочет все сама! В ее непрекращающихся вопросах: «А вы умеете? А ты умеешь?» легко прочесть, что дома взрослые притворяются, что якобы не умеют того, что умеет она. Сколько же раз мы это видели, в скольких вариантах! Трехлетка спрыгивает со ступеньки: «Вот как я умею!»; дядюшка-весельчак притворяется, что не умеет, боится, падает, валяет дурака; ребенок смеется, толкает дядюшку, бросает ему вызов в ехидной, дрянной игре, издевательстве и надувательстве. Трехлетка что-то накалякал на бумаге: «Это лошадка!» Дядюшка изумлен: какая красивая лошадка, он так рисовать не умеет; пробует, берет карандаш, рисует неочиненным концом, потом карандаш выпадает у него из рук, бумага летит на пол.

Ребенок нетерпеливо объясняет, как надо, иногда может и ударить. Кабы дядюшка-весельчак знал, что ребенок смеется от возбуждения, потому что ему известно: игра закончится объятиями, поцелуями и подкидыванием; во-вторых, ребенок именно по этой причине и сердится, и возбуждается. Если бы понял дядюшка, что искрящийся весельем взгляд и неумный смех одного карапуза и наполовину удивленный, а наполовину разгневанный взгляд другого напоминают ему разнузданность в кабинете и сопротивление в будуаре, может быть, в будущем он стал бы осторожнее. Если то же самое делают няни, кто знает, не от веселых ли дядюшек переняли они эту манеру, потому что не из деревни, не из хаты они такое вынесли; потому что в хатах, насколько я видел, отношение к детям серьезное и полное достоинства. Гнев, который выразился в обидных словах, брошенных Хелечке: «Лучше брось это, ты еще маленькая», наверняка, собственно говоря, был адресован дядюшкам (и тетюшкам), которые не могут посмотреть на двухлетнего красивого ребенка без полусознательной или бессознательной мысли о том, какое это в свое время будет пикантное существо. Так эта зараза идет в

детскую, так калечат малышей, которые потом в садиках с болью выпрямляют искривленные души, но теряют доверие к взрослым и привязанность к дому.

«Нет!», «А вот и нет!», «А вот и знаю!», «А вот и умею!» – это тоже из репертуара веселых дядюшек. Дядюшка говорит: «А я тебя куплю у мамы!»; «У тебя глаза некрасивые!» – о, их изобретательность не знает границ! Ребенок говорит: «Неправда!» – «А вот и нет! Правда, мамуля, что нет?»

«А вот и да!», «А вот и нет!» – это называется «дразниться». Некоторые дети это ненавидят, некоторым нравятся такие шутки, где гнев, неприязнь, страх дают сильные ощущения.

Хелечка обещает нарисовать мисочку, но понимает, что нет ни капли сходства; поэтому пусть будет «девочка с корзинкой» – взрослые такие дураки, они же всему поверят. Два раза она сменила тему неприятного для нее разговора. Она честно признает, что нарисованная мной корзинка лучше, но, когда Ляля приняла нарисованный мной на доске домик за творчество Хелечки, Хелечке не хватает мужества прояснить возникшее недоразумение...

Интересен эпизод с мелком. Она не ожидала, что мелок сломается, упав на пол. Если стакан упадет, им больше нельзя пользоваться, и карандаш ломается. Мелок сломался – Хелечка осторожно пробует: мелок пишет, как раньше. Она бросает мелок еще раз: что из этого получится? Она уже знает это: знает на всю жизнь. Несколько дней назад Непослушная пробовала намочить мелок в воде и писать им. У каждого из нас в прошлом есть момент, когда человек задал себе вопрос, куда девается сахар, положенный в чай; если в ответ сказали, что он «растворяется», то к непонятному явлению просто добавили непонятное слово. Человек понимает, только экспериментируя с сахаром, с солью; я помню, как соленую воду выставлял на солнце, чтобы посмотреть, появится ли потом в баночке сухая соль; но соли я не дождался, и вопрос так и остался до конца не решенным. Ребенку нравится самому мешать ложечкой сахар в чае, но маме это не нравится, потому что стакан чаще всего опрокидывается.

Разговор про очки. Тут не только стеклышки, через которые человек лучше видит, тут еще и железяки какие-то – а это зачем? – если стеклышки не держатся, их можно прибить гвоздиками. Я отвечаю, что так нельзя, но не смеюсь при этом. Крепление стеклышек, через которые нужно смотреть, нашло разнообразные решения: монокль, бинокль, очки, лорнет; не так просто заметить уши, за которые можно зацепить дужки для очков. То, что трехлетняя Хелечка не знает, до чего додумались коллективными усилиями специалисты в течение столетий, – это не смешно. Но то, что я на сороковом году жизни благодаря вопросу Хелечки впервые над этим задумался, – это компрометация.

Издаваясь над тем, что ребенок чего-то не знает, ты убиваешь в нем желание узнать новое. Кто готов признаться, что он не читал «Фауста», не видел Рубенса, не знает, кто такой Песталоцци? Вот мы и читаем «на отвязись», смотрим «на отвязись», все знаем абы как; цивилизацию делают единицы, политику делают клики, а темная толпа, водимая за нос, готова умереть, лишь бы со стыдом не признаваться, что чего-то не знает, лишь бы над ней не смеялись. Кто смеется над трехлетним ребенком, потому что он хочет гвоздиками прибить стеклышки к глазам, – тот предатель, развратитель.

Хелечка не знает, как держатся на месте очки, но у нее новое платье. Вот до чего мы в конце концов договорились. Разговор о деньгах – золоте и бумагах – это обрывки реальных услышанных разговоров. Я вырезаю в листке бумаги два отверстия (деньги) по указке Хелечки. Хелечка замечает сходство листа с маской, которой добрый дядюшка любит пугать детей. Запу-

тавшись в финансовом разговоре, она хочет выпутаться, чтобы скрыть свое невежество. Надевает на лицо «маску» и пробует пугать меня и Крысю. У нее ничего не получается. Наверное, это плохая маска – надо скривиться. Не помогает.

Мне кажется, Хелечка начинает понимать, что дом шутит, играет, притворяется, лжет; что все совсем иначе, не так, как она полагала. Она боится, но ее притягивает эта новая, осмысленная жизнь, которая и усилие, и борьба, где ценится заслуга, а не очарование, где больше равнодушных взглядов, чем улыбок, где больше ловушек, чем услужливых рук. Дом не помогает ей, а мешает.

* * *

Получилось не то, что я хотел. Я хотел дать образец ученику педагогической семинарии, как записывать наблюдения и дополнять их комментариями. А написал образец для себя, как от мелкого подмеченного момента – детского вопроса – переходить к многогранным и общим проблемам. Вот доказательство, каким препятствием для независимого мышления бывают любые рамки, планы и указатели.

IV

Мне всегда казалось, что серьезным препятствием в рациональном воспитании отдельного ребенка является не всегда осознанная, а все-таки всегда присутствующая мысль, что «не стоит». Как у воспитателя многих десятков детей у меня обостренное чувство ответственности: каждое мое слово эхом отдается в сотне умов, за каждым действием следят сто пар настроенных глаз; если мне удастся растрогать или убедить, побудить к действию, то моя любовь, вера, энергия множатся стократно; всегда, даже когда разочаруют меня почти все дети, все равно: один, двое, не сегодня, так завтра, убедят меня, что они поняли, почувствовали, что они со мной. Воспитывая сотню детей, я не ведаю одиночества и не боюсь полного поражения. Когда я отдаю часы, дни, месяцы собственной жизни одному ребенку – что я делаю? Ценой собственной одной жизни я строю тоже лишь одну жизнь. Каждое мое самопожертвование вскармливает лишь одного. Мне легче победить досаду, усталость, плохое самочувствие, когда меня будет слушать сотня.

Встречая воспитательницу, которая ради одного-двоих детей покидала группу, иными словами, предпочитала место в частном доме приюта или интернату, я полагал, что нет у нее любви к своей профессии, что ее привлекли выгода, условия получше и работы поменьше.

Только две недели я провел со Стефаном, одиннадцатилетним мальчиком, и убедился, что наблюдение за одним ребенком дает столь же богатый материал, равную сумму тревог и радостей, такое же удовлетворение, как и наблюдение за множеством детей. В этом одном ребенке ты замечаешь намного больше, чувствуешь его тоньше и глубже продумываешь каждый факт.

Похоже, что усталый воспитатель группы детей имеет право, быть может, обязан, изменять своего рода севооборот труда: отойти на некоторое время от толпы в тишину и вновь вернуться к работе с толпой. Насколько я знаю, до сих пор так не делалось – были специалисты по индивидуальному или по групповому обучению и воспитанию.

Эти записи я вел в виде дневника – так я их и оставляю. Они могут иметь некоторую ценность как документ, несмотря на необычные условия, время и место.

N.B. Я был ординатором полевого лазарета. В перерыве между военными действиями я взял к себе мальчика из приюта; он хотел учиться ремеслу, а при лазарете была столярная

мастерская. Я провел с ним только две недели; я заболел и уехал, а мальчик еще какое-то время там находился; потом начались марш-броски, и денщик вернул его в приют.

* * *

Четверг, 8.1 II.1917 г.

Он уже у меня четвертый день. Я хотел вести записи с первого дня. К сожалению, с записями так всегда: больше всего материала для записей, когда нет времени. Это многих отвращает от работы. Жалко мне, что многие странные чувства и ощущения прошли бесследно. Я уже привык к присутствию мальчика.

Его зовут Стефан. Мать умерла, когда ему было 7 лет, он не помнит, как звали мать. Отец на войне, то ли в плену, то ли убит. Есть у него семнадцатилетний брат, живет в Тарнополе. Сначала Стефан жил с братом, потом у солдат, уже полгода в приюте. Приюты открывали городские управы, руководили приютами кто попало. Правительство то разрешает учить, то запрещает. Это не интернат, а помойка, куда выкидываются дети, отбросы войны, печальные отходы дизентерии, сыпного тифа и холеры, которые уносят их родителей, ба! – только матерей, потому что отцы сражаются за новый передел мира. Война – это не преступление, это триумфальный марш, пир дьяволов, уцелевших в пьяном свадебном разгуле.

Стоило мне спросить его, хочет ли он, чтобы я его взял, как я тут же пожалел об этом.

– Не сейчас, в понедельник я за тобой приеду. Спроси завтра брата, позволит ли он тебе. Посоветуйся, подумай.

Едем. Луна, снег. О чем он думает? Он с любопытством озирается вокруг: костел, вокзал, вагоны, мост. Лицо заурядное. Он вроде бы трудолюбивый, при госпитале есть столярная мастерская – отдам его в обучение Дудуку.

Экзамен. Как читать, он не забыл. Задача по арифметике.

– Сколько тебе на данный момент лет?

Чувствую, что он не понимает, что значит «на данный момент».

– На данный момент? Это когда кому-то время даешь?

Я не поправляю.

Он получил от брата 50 копеек, купил пирожки с повидлом, конфеты, у нас ел холодный зельц – шедевр Пласки, вечером у него разболелся живот. Боль в области слепой кишки. Плохо дело: я хотел, чтобы он ел из солдатского котла, пока не решится вопрос, останется он или нет. Я хотел, чтобы с самого начала у него был определенный распорядок дня.

Валентий вздыхает:

– И на кой это пану сдалось?

У Стефана врожденное чувство порядка: сделав уроки, он складывает книжки на край стола, ручку кладет около чернильницы. Повесил полотенце, один конец свесился ниже другого – он поправил.

– Ты зачем на 50 копеек накупил сластей?

– А на что мне деньги жалеть?

Это не его мнение, а какого-то его авторитета: Назарки или Климовича (Клим красиво рисует).

– Отец вернется, – говорю я ему.

– Вернется – хорошо, не вернется – тоже хорошо.

Это он тоже где-то слышал. Сколько глупостей я мог бы наговорить ему на эту тему! «Фу, как можно... про отца... и т. д.»

Его сейчас интересуют другие вопросы:

– А зачем эти ремешки у зеркала?

- Этот ремешок для мыла, этот для расчески, а тот для зубной щетки.
- А эта папиросница, когда была новая, у нее кожа тоже была потрескавшаяся?
- Да, она сделана под крокодиловую кожу.

Примечание для воспитателей. Когда приезжаешь в детский дом в роли воспитателя, пусть дети будут в твоей комнате, когда распаковываешь багаж, пусть они помогают развязывать корзины или сундук, вынимать и расставлять мелочи. Завяжется разговор про твои часы, перочинный ножик, несессер. Этот разговор быстро и естественно сближает тебя с ребенком. Ребенок таким же образом знакомится с ровесниками. Стоило бы подумать о том, как часто взрослые завязывают знакомства через детей и благодаря беседам о детях (в саду, на даче). Мальчики знакомятся благодаря мячу, девочки сближаются через кукол. Если сказать, что нехорошо все трогать, обо всем выспрашивать, дети сконфузятся, испытают чувство досады. Можно будет им это сказать через месяц, через три месяца, когда это будет касаться не тебя, а кого-то чужого. А вы-то уже знакомы.

- Сколько стоит эта папиросница?
- Наверное, рубля два или три. Не знаю, не помню, она у меня уже давно. О, видишь: замок испорчен, не защелкивается.
- А починить нельзя?
- Наверное, можно, но это мне не мешает, и так и этак папиросы не выпадут.

Я еще не воспитываю, я только наблюдаю и стараюсь не делать никаких замечаний, чтобы его не спугнуть. А ведь за эти четыре дня мне пришлось два раза делать ему замечания.

Первый раз. Во время урока, который я давал Стефану, вошел фельдшер. Я дежурил: больных привезли.

- Весь день к пану шлятся и шлятся, – нетерпеливо, повысив голос, говорит Стефан.

И тон, и выражение лица свидетельствуют, что это не его слова. Так, видно, говорила в приюте панна Лоня или кухарка.

- Не говори так, – прошу я мягко, после того как фельдшер вышел.
- Я чего, я читаю, а он лезет...

Его удивляет, что в лазарете 217 больных и раненых.

- Так вы, как дежурный врач, должны всех осматривать?

– Нет, я осматриваю только новых, чтобы какого-нибудь заразного больного не поместили к обычным больным.

– Правда, пятнуха (корь) – хворь заразная. Я когда с пятнухой слег, так задыхался, что говорить вообще ни капельки не мог. Тятя тогда мне велел керосин пить, так мне стало лучше. Тятя никогда к врачу не ходил. Он сам все знал, как лечить.

- Умный человек был твой тятя, – говорю я убежденно.
- Ясное дело, что умный, – кивает Стефан.

Меня так и подмывает задать вопрос, как же он мог сказать, что, если отец не вернется, тоже будет хорошо. Нет, для такого еще слишком рано...

Второе замечание.

- Слушай, Стефан, называй пана Валентия не «Валентий», а «пап Валентий».
- Я и говорю «пан Валентий»...

Эхо приюта: выкрутиться. Тут я сам виноват: теперь в разговоре со Стефаном я всегда говорю: «пан Валентий».

Вопрос важный, особенно в интернате для сирот. Сторож, судомойка, прачка обижаются на детей, когда они их называют по имени. В разговоре с детьми надо всегда говорить: «пан Войцех, панна Рузя, пани Скорупска».

Подтверждается то, что я говорил об интернате; болезнь в семье сближает. Недаром и родители, и дети охотно вспоминают – по крайней мере, хорошо помнят – пережитые болезни. В интернате же болезнь – ненужные хлопоты, она часто отдаляет людей друг от друга.

Сколько же я возился, чтобы он смог писать, лежа в постели! Пришлось вынуть из ящика все содержимое, поставить чернильницу в консервную банку, которую Валентий мне приспособил под пепельницу. Под ящик пришлось с одной стороны подложить подушку, с другой – книги. Он поблагодарил меня за это улыбкой. Подобную роскошь интернат не может себе позволить.

– Тебе удобно?

– Да, – и улыбка.

Стефан обустроился на этом столе: сбоку – книжки, в щели между досками ящика – карандаш, это чувство порядка у него врожденное. Новая ситуация, значит, он не копирует какие-то образцы, а действует сам.

Сейчас он сидит и переписывает из букваря стишок.

– Белую, белую, белую...

И заканчивает, напрягая мысль:

– Белую руба-, белую рубашеч-, рубашечку.

Вздыхает.

– Белую рубашечку... Дам ей в дорогу белую рубашечку.

И все-таки сделал тут ошибку – написал «белую».

– Видишь, вместо «белую» ты написал «белую».

Смущенно улыбается.

– Я еще раз перепишу.

– Лучше оставь, перепишешь после чая.

– Нет, сейчас.

И снова тишина, прерываемая лишь его сосредоточенным шепотом. Смотрит хмуро: и во второй раз он переписал с ошибками. В первый раз я пропустил, в виде поощрения, несколько ошибок, на сей раз – нет. Третьего дня вечером он плохо читал, и сам не знал почему.

– Потому что ты голодный, – сказал я тогда. Мне хотелось знать, помнит ли он это замечание.

– Как ты думаешь: почему сейчас у тебя получилось хуже?

– А потому что – один раз не получится, так потом еще хуже не получается.

И с отчаянием:

– Перепишу еще раз.

Даже покраснел, сжал кулаки. Я его поцеловал в голову – идиотский поцелуй, он чуть отодвинулся.

– Сиро-, сиротинушка убогая...

И как раз на самом опасном месте, где в прошлый раз Стефан пропустил целую строку, Валентий приносит чай.

– В дорогу... на дорогу дам ей... дам ей в дорогу.

Валентий кладет в стакан сахар. Стефан бросает на него беглый взгляд и пишет дальше.

– Нож нашелся, – сообщает Валентий.

Стефан посмотрел внимательно: нож? какой нож? – подпер голову руками, того и гляди, вырвется вопрос; но нет, искушение преодолено – Стефан опять сосредоточен.

Валентий улыбается, я записываю, быстро делаю набросок, интересный момент, Стефан ничего не замечает. И через минуту – с торжеством, полным надежды:

– Готово, проше пана, – и улыбка.

– Хорошо, только ты букву проглотил. Не хочешь ее поискать?

Он пьет чай, хмурит лоб, ищет пропущенную букву.

Жаль, что я не посмотрел на часы: сколько времени он писал?

Часы, часы! Сколько раз я себе это повторял – и всегда забываю.

Две мысли.

В течение долгих месяцев пребывания среди множества детей я ни разу не обратил внимания на улыбку – это слишком тонкое явление, слишком незначительное, ниже порога сознания. Лишь теперь я вижу, что это важное явление, достойное изучения.

Когда он спросил меня с напускной небрежностью: «А я смогу ездить на лошади?» – то тоже с подкупающей (?) улыбкой.

Я ответил уклончиво: ныне скользко, лошади плохо подкованы, может, летом.

Дети должны знать, что их улыбка нас обязывает.

Вторая мысль.

Переписывание для детей – не бессмысленное действие, напротив, оно требует даже больших усилий: не пропустить буквы, слова, целые строчки; дважды не написать одно и то же слово или строку; не сделать ошибку; вместить слова в строку, без переноса; чтобы буквы были равные по величине, на равном расстоянии. Кто знает, может быть, через переписывание ребенок полностью понимает читаемый текст? Ясное дело, что творческие умы скорее устанут от пассивного переписывания. Стефан во время переписывания походил на художника, копирующего шедевр великого мастера. Несчастный учитель, который, исправляя каракули в сорока тетрадках, не увидел, не почувствовал всех этих коллективных усилий.

Для ребенка чтение – не только трудное складывание букв в слова, а еще и вереница неизвестных слов, грамматических сюрпризов. Вот он читает:

– Ябло-яб-ло-яблоки, яб-ло-ки (пауза, во время которой он постигает значение слова), – и быстро, плавно читает то же самое слово: – Яблочки.

То же и со стишком:

– Песнь (не верит своим глазам)... песнь... (про себя, вполголоса), песнь – это чего такое... польс-ку-ю... мне жа-во-рон-ки... – И громко заканчивает: – Песню польскую мне жаворонки пели!

Мы, акробаты беглого и плавного чтения, когда уже по двум буквам угадываем слова, а по двум словам – целое предложение, не можем осознать, с какими трудностями сражается ребенок и какие способы применяет, чтобы облегчить себе работу.

Третьего дня он четыре раза прочел в тексте «Франек» вместо «Фелек». Я не поправлял его. Когда он закончил читать, я спросил:

– Как этого мальчика звали?

– Франек.

– Ничего подобного.

– А вот и Франек.

– Спорим, что не Франек.

Читает:

– Фра-Фре-Фе-Фелек...

– Видишь, хорошо, что ты не поспорил со мной.

– Ну, хорошо...

– Наверное, у тебя есть знакомый Франек?

– Есть...

– А Фелек?

– Нету...

То же самое было на арифметике. Вместо «огурцы» он два раза прочел «груши».

– Пять груш, – сообщает он мне ответ.

– Как бы не так!

Замолкает, а спустя минуту решительно, с сердитой интонацией:

– А вот и пять.

– Пять, да не груш.

– А чего?

– Посмотри – узнаешь.

– Гру...гур... огур... огурцов!

– Вот видишь: слушай, Стефан, ты, часом, не волшебник? Из Фелеков делаешь Франеков, из огурцов – груши?

Он так мил в своем удивлении: что тут творится? как так получилось? – что я его целую. (Абсолютно лишнее – и когда я от этого отучусь?)

Его сердят непонятные слова.

Читает:

– У торговки девять яблок. Сколько яблок у нее останется, если четверо мальчиков возьмут по два яблока каждый?

И про себя, вполголоса:

– Какой еще каждый... – И вслух: – Одно яблоко.

– Две монеты... Монеты я уже знаю, что это такое, но я забыл.

В этой, казалось бы, нелогичной фразе есть, тем не менее, разумная основа: если он не знает, потому что забыл, можно ведь вспомнить.

На двадцатой или какой-то там задаче он предлагает:

– Я буду читать про себя и писать для вас, сколько получится.

– Хорошо, а я буду кивать, если правильно.

Не он первый делает мне подобное предложение. Не знаю, хочет ли ребенок таким образом внести разнообразие в свою работу, или в этом желании кроется другая основа: потребность в тишине при сосредоточенной работе.

* * *

Вечером

Прочитал молитву, поцеловал мне руку (эхо родного дома, разоренного войной гнезда, одного из ста, из тысячи, из многих тысяч). Я пишу. Он лежит тихо – глаза открыты.

– Проше пана, а правда это, что если побриться, то уже волосы не растут?

Он боится открыто называть лысину, чтобы меня не обидеть.

– Неправда, ведь бороду бреют, а она растет.

– У некоторых солдат бороды вот такие, до пояса, как у евреев. Почему?

– Да уж такой обычай. А англичане так даже усы бреют.

– А правда, что у немцев много евреев?

– И у немцев есть, и русские евреи есть, и евреи-поляки.

– Вот вы говорите «евреи-поляки»? А поляки – это евреи?

– Нет, поляки – католики, но кто говорит по-польски, хочет, чтобы поляку было хорошо, и желает полякам добра, то он тоже поляк.

– Моя мама была русинка, а отец поляк. А мальчики считаются по отцу. А вы знаете, где Подгайцы? Мой тятя оттуда родом.

– Сколько лет твоему тятю?

– Сорок два, а теперь сорок пять.

– Так тебя папа даже не узнает – так ты вырос.

- Не знаю, узнал бы я тятю.
- А фотографии у тебя нет?
- Куда там! А есть солдаты, что на него похожи.

Тихо. Вечер – это необыкновенно важное время для детей. Чаще всего – воспоминания, но часто и тихие рассуждения и спокойные, шепотом, беседы. Так было и в Доме сирот, так было и в летних лагерях.

- Вы пишете книжку?
- Да.
- Это вы сами написали мой букварь?
- Нет.
- Так вы его купили?
- Да.
- Верно, полтинник отдали?
- Нет, только 25 копеек.

Опять тишина. Закуриваю папиросу.

- Правда, что серой можно отравиться?
- Можно. А что?

Не понимаю, откуда взялся вопрос.

- Потому что были спички, когда они шли на маневры...

Отголосок уже стершегося из памяти рассказа отца о том, что какие-то сорта спичек лучше, – что-то, услышанное много лет назад: когда его отец был еще холостым и служил в армии, в суп попала сера, и солдаты отравились.

Я не понял. Стефан говорит сонным голосом, что-то невразумительно бормочет – уснул.

Как горячо я в детстве желал увидеть своего ангела-хранителя! Я притворялся спящим, а потом внезапно открывал глаза. Неудивительно, что он прятался. Вот и в Саксонском саду так же: думаешь, что поблизости нет охранника, а только выбежишь за мячом на газон, он тут как тут и уже издали грозит пальцем. Мне было неприятно – моего ангела-хранителя зовут тоже как бы охранником.

* * *

Пятый день

Дудук хвалит Стефана: трудолюбивый парень. Когда я был в мастерской, он пилил доску. Я не мог спокойно смотреть: доска ездит во все стороны, тупая пила прыгает по доске – так он может легко поранить пальцы. Но я ничего не говорю. Бессмысленно предупреждать, чтобы он был осторожнее. И без того:

- Не выходи босиком во двор. Не пей сырой воды. Тебе не холодно, живот не болит?
- Вот это-то и делает наших детей эгоистами, развращает их и оглушает.

Из мастерской он вернулся в шесть часов.

Не хочет ехать в воскресенье в Тарнополь.

– Зачем? Неделя прошла, и снова ехать? Пан Валентий тоже с нами поедет? Мы там долго будем?

Не хотел писать брату письмо.

- Я же с ним увижусь.
- А вдруг не застанешь его дома?
- Ну ладно, чего уж там, напишу...
- С чего начнешь письмо?
- Во славу Господа нашего, Иисуса Христа...
- А дальше?

- Откуда мне знать.
- Напишешь ему, что приболел?
- Нет!

Я еле удержался от иронического вопроса: «Как насчет пирожков с повидлом и зельца?»

Письмо короткое: «Я работаю в столярной мастерской, работа мне нравится, пан доктор учит меня читать и считать, можешь быть за меня спокойным».

- Как подпишешься?
- Стефан Загородник.
- А может, напишешь: «Сердечно тебя целую»?
- Не-е, не надо.
- Почему?

Шепотом:

- Мне стыдно.

Я предлагаю:

– Ты сам перепишешь начисто, или я тебе напишу на листочке, а ты уже с моего листка перепишешь?

Даю ему писчую бумагу и конверт. Два раза он пытался – не вышло. Сколько бумаги испортил. Ладно уж, завтра с моего листка перепишет.

Арифметические примеры мы с ним решали полтора часа без перерыва.

- Хватит уже?
- Нет, до конца страницы.

Кто знает, может, задачник – самый лучший сборник упражнений для чтения. Задачи, загадки, шарады, шуточные вопросы – ребенок не только должен, он сам хочет их понять. А впрочем, не знаю: может быть, раздвоение внимания нежелательно. Достаточно того, что на сегодняшнем уроке задачки вытеснили и заменили чтение.

- Сколько вы папирос курите, наверное, штук пятьдесят?
- Нет, двадцать.

– Курить вредно; один мальчик подул на бумагу, так бумага вся стала желтая. Когда в папиросе есть вата, она дым задерживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.